

Херасков Михаил Матвеевич

**Кадм и Гармония. Древнее
повествование**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Кадм и Гармония. Древнее повествование: Часть 2 / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 346 с.

ISBN 978-5-521-29094-9

ISBN 978-5-521-29094-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Кадмъ, поддерживаемъ Хадемомъ, съ корабля низходитъ; — но мощь его слабѣетъ, колѣна подгибающся, глаза мракомъ покрылись, сонъ заключаетъ Кадма въ крѣпкія объятія. — Тогда безбожный Хадемъ повелѣваетъ двумъ своимъ соумышленникамъ ввергнуть Кадма въ особую ладію, ни веселъ ни руля не имѣющую, надъ копорою въ то время висѣло малое темное облако, и Кадмъ яко мертвъ просперся въ ладіи, его единого вмѣщающей.

Едва корабль Тессалійскій двинулся во пространное море и неблагодарный Хадемъ едва отплылъ ко брегамъ Мавританскимъ, оставя безчувственнаго Кадма игралищу волнъ морскихъ, вдругъ изъ среди висѣщаго надъ ладіею мрачнаго облака изторгся бурный Эолъ, зашрепеталъ широкими крылами, едино его дхновеніе воздухъ и море привело во колебаніе. Пучина возшумѣла, Царь Эолъ съ порывистымъ свистомъ погналъ ладію вмѣщающую Кадма во пространныя воды; ладія носима была чрезъ цѣлую ночь и двѣ прешидня; наконецъ, промчавъ оную по глубинамъ неизмѣримымъ, Царь вѣтровъ примкнулъ ее къ нѣкому берегу страны неизвѣстныя Кадму; и по томъ извившись яко дымъ, возвратился во свою пещеру.

Толь спрогая казнь уснавлена была громодержителемъ буйствующему Кадму за порицаніе Боговъ и Гармоніи. Уже солнце къ западу уклонялось; Кадмъ простертый въ его ладіи пробудился; обращаетъ кругомъ свои очи; зрѣтъ неизвѣстныя ему воды, берега незнакомые, и впадаетъ въ недоумѣніе. — Гдѣ я?

возопилъ онъ, кая предлежитъ мнѣ спрана? И по что я пренесенъ въ сіи неизвѣстныя для меня мѣста изъ Мавришаніи? — Тогда началъ онъ вечерній день соображать во смущеніи его памяти. Не забылъ, что находился на кораблѣ Тессалійскомъ купно съ Хадемомъ; что онъ отправилъ мореплавателей обратнo къ Теогену, и что вкушалъ изъ сосуда нѣкій прошивной напитокъ, поднесенный ему Хадемомъ. Тогда ревность, угнѣздившаяся уже предъ тѣмъ въ его сердцѣ, произвела въ немъ мрачное заключеніе о невѣрности его супруги Гармоніи, якобы согласившейся купно съ Хадемомъ на его гибель. Воспомнявъ слова, изреченныя Гармоніею при ихъ прощаніи съ Хадемомъ, — вообразилъ нѣжныя ея на Мавришанскаго Царя воззрѣнія, — подтвердилъ его слова во время шествія ихъ ко Тессалійскому кораблю повѣданныя, — наконецъ вообразилъ мнимую нескромность его супруги при открытіи Хадему подлинныхъ наименованій ихъ, кои таить взаимно свято обязались; и Кадмъ утвердился въ вѣроломствѣ его невинной супруги. — Увы! не вѣдалъ онъ, что сія чаемая нескромность была единое токмо злоумышленіе Хадемово, въ замѣшательство духъ Кадмовъ вовлеци хотящаго, дабы удобнѣе достигнуть утопьяемой ему гибели, и по собственнымъ своимъ догадкамъ подлинныя ихъ имена познавшему.

Кадмъ, удостовѣренный во мнимой измѣнѣ его супруги Гармоніи, въ согласіи ея съ Царемъ Хадемомъ, и во злоключеніи своемъ отъ
ихъ

ихъ вѣроломства происпекшемъ, умерщвляетъ нѣжную любовь свою ко Гармоніи, чувспвуетъ ненависть ко дружесству, кое въ коварномъ человѣкѣ почипалъ обрѣшеннымъ; злобству* етъ и Боговъ еще клевететъ; наконецъ рѣшился предать ихъ забвенію, и къ тому во вѣки о нихъ не мыслишь.

Колико ни учинился Кадмъ неистовъ, но въ горесни возопилъ: чпо я начну шеперь, пренесенный нѣкѣимъ чуднымъ приключеніемъ во ешрану незнакомую? Гдѣ найду нынѣ пристанище? Нагъ, спраненъ, бѣденъ, како жизнь мою провождаши буду? Се игра Боговъ, чловѣческими злощасіями нерѣдко утѣшающихся! — Увы! они жестоки и нечувспвительны! — Но Кадмъ самъ въ себѣ припакowychъ бѣдствяхъ; самъ въ себѣ твердоспи и мужесства искапъ обязанъ; не могу упо-вашь на Боговъ; опнынѣ укрѣплюся и спану со злощасіемъ моимъ сражаться, доколѣ силы мои не будутъ испощенны; — дерзну обозрѣть спрану сію; подвигъ ппакый не будетъ для меня новымъ. — Рекъ, и вступилъ на брегъ, мягкою правою и цвѣтами испещренный; — но колѣна его еще дрожали; нужно было Кадму опѣ морскаго плаванія малое опдохновеніе; онъ довлекся до мирповыхъ густыхъ древесъ, прекрасную рощу близъ морскаго берега составляющихъ: тамо простерся онъ на муравѣ пуху подобной, и подъ густыми вѣтвями предался глу-бокому размышленію о предлежащей ему лю-шой судьбинѣ.

Мрачныя его помышленія вдругъ прерыва-
ются пріятнымъ пѣніемъ по пространству
водъ и далеко по благоуханному полю раздаю-
щимся. Онъ, разнимая миршова вѣтви, зрѣвъ
на водахъ малыя ладьи ко берегу приплываю-
щія, кормы и щеглы ихъ были позлащенные;
длинные шелковые флаги и малыя вѣтрила
зефирами развѣвались; малыя дѣвы и
юноши исходили изъ оныхъ на брегъ съ весе-
лымъ пѣніемъ и пляснѣмъ, свирѣлями со-
провождаемымъ; они имѣли на главахъ вѣн-
ки изъ лилей соплетенныя и прелестными
цвѣтками одежды испещренныя; всѣ купно
являли видъ нѣжный, дружесшвенный и ве-
селый, внушрненное удовольствіе изображаю-
щій. Кадмъ чаялъ, что то были безсмерт-
ныя Нерейды, изъ глубины морской исшедшія.
Вскорѣ потомъ срѣщается Нимфъ сихъ иная
дружина съ поля приближающаяся и подобныя
симъ украшенны одежды имущая; тогда нача-
лись нѣжныя объятія и пламенные лобыза-
нія. — Кадмъ, взирая на сіе сонмище, раз-
мышлялъ самъ въ себѣ: могутъ ли столь ве-
селящіеся люди имѣть сердца жестокія, и
нечувствительны быти ко странникамъ?
Собравъ свои силы, грядетъ къ нимъ и хо-
щетъ молиши ихъ о призрѣніи и помощи.
Тако Филомела, чая внимать нѣжное спе-
наніе ея подруги, съ вѣтви на вѣтвь низ-
пускается, преклоняетъ слухъ свой, на-
онецъ ввергается въ сѣти подъ густою кущею
крыющагося пищелова.

Упомянутый Кадмъ плаваніемъ, имѣлъ
еще видъ привлекательный и величественный;
оде-

одежда его въ ея проспошѣ изыщный вкусъ являла; его щесствіе было бодро и твердо. Юноши и дѣвы, взирая на него внимашельно, возчувспвовали къ нему нѣкое почипаніе: кто ты ешь? и опколѣ ко брегамъ симъ приплыль? окруживъ его вопрошали. Кадмъ рекъ, сокрывая подлинныя свои приключенія: да умножащъ небеса веселось вашу, и да увѣнчающъ вашу радость, о чада Боговъ! не подозрѣвайте ни въ чемъ меня нещаснаго. Я есмь бѣдный спранникъ именемъ Адмонъ, оставленный моими неоспорожными сопутниками, во время сна моего на единомъ необишаемомъ островѣ. Преплывая отъ Тиса въ Кришъ, они въ ночь сію, когда мы сномъ наслаждались и когда я при корнѣ единого древа воздремалъ, позабывъ о мнѣ, опплыли въ море; пробудясь нашелъ я у берега малую ладію, и ввѣрился ей искать обипалища сострадашельныхъ человѣковъ. Тако достигъ сего незнакомаго мнѣ берега; не оприньше моего моленія, призрите нещаснаго Адмона и повѣдайте, кая спрана сія? и кто ея обипашели суть?

Единъ изъ старѣйшихъ юношей отвѣчалъ Кадму: ты обрѣшаешься нынѣ во изобильномъ и щаспливомъ царствѣ Вавилонскомъ; мы живели сего во всей подсолнечной знаменишаго града; се воды Тигра и Евфрата вмѣспѣ сліянные. Зрѣлъ ты, съ какою пріятностію мы наслаждаемся нашею жизнью; се подруги наши! каждый день въ различныхъ забавахъ и гульбахъ мы время наше провождаемъ. Не сѣшуй, Адмонъ! и благо-

дари твоихъ Боговъ, во предѣлы наши тебѣ пославшихъ. Здѣсь между нами ни горести, ни печали ощущать не будешь: мы любимъ спраннопріимство; бѣдныя нами не отвергаются; мы раздѣлимъ съ тобою избытки имѣній нашихъ; ты забудешь между нами твою опчизну; гряди съ нами во благополучный Вавилонъ, водворися въ немъ, и въкѣ твоей попеченью сладко и спокойно. Кадмъ, започивъ совѣсть свою въ самую глубину сердца и едиными лесными воображеніями заземлюющійся, Кадмъ не опрется шествовать во градъ Вавилонскій.

Юноши и дѣвы предшествуютъ ему съ пѣніемъ и нецѣломудреннымъ плясаніемъ; звуки ихъ свирѣлей и цѣвницъ воздухъ потрясаютъ, и Кадмъ прельщается таковыми шумными увеселеніями. — Тако, преходя луга злачные и рощи сѣннолиственныя, они въ Вавилонъ вступили; зданія великолѣпныя всюду зримы; каждый изъ его сопушниковъ предлагаетъ Кадму свой домъ пристанищемъ; — родители и сродники ихъ приглашаютъ его, яко спранника, избрать жилище для него пріятнѣйшее; въ единъ часъ Кадмъ находитъ искреннихъ друзей, наилучшихъ сродниковъ въ Вавилонъ, и чиспосердечную опкровенность. Но давъ слово обитать у каждаго изъ нихъ по равному времени, вступилъ въ жилище нѣкоего старца, веселость и свѣжестъ въ лицѣ изъясляющаго и многимъ семействомъ гордящагося. Тамо поселился онъ и призналъ жребій свой щасливымъ.

Вскорѣ

Вскорѣ духъ Кадмовъ въ духъ Вавилонскій преображается; сердце его преспаётъ бысть цѣломудреннымъ сердцемъ Фивскимъ и Сидонскимъ; оно спановишся подобнымъ пому, каковымъ было во плѣненіи Таксилы; мысли его разными щещами развлекаются. Словомъ, Кадмъ паки исчезаетъ, и даже мудрость его и добрыя правила разплѣваются, помятся и наконецъ умираютъ. Таковымъ человекъ подлежитъ частнымъ преткновеніямъ, когда онъ опъ Боговъ опступитъ, волѣ собственной вѣрился и спрасшей своихъ обуреваніемъ повлечется! — Кадмъ допусилъ сначала сомнѣнію въ его сердце поселиться; сомнѣніе повлекло за собою ревность ко Гармоніи, ревность произраспила на Боговъ роппаніе, и таковое круговращеніе спрасшей, ввергнувъ во ослѣпленіе, замчало его въ новую гибель и развращеніе, коихъ ужаливанія уже не были Кадму чувствительны. Гармоніи нѣтъ уже въ памяти у Кадма; нѣтъ ни Хироновыхъ мудрыхъ наставленій, ни злощастій опъ нечестивости его произшекшихъ и донынѣ поражаютъ его не преспающихъ. Онъ затворилъ очи свои на все то, что есть благо и честно; токмо плотскія очи его шѣмъ единымъ, что обольщаетъ ихъ, пресыщаются. — Онъ погрузилъ зрѣніе въ наружныя прелести женъ Вавилонскихъ; ими онъ дышетъ и движется; — гибнетъ, но гибель свою нарицаетъ благоденствіемъ.

Такъ сладострастный человекъ, лакомствами едиными пресыщаясь, разрушаетъ крѣпость шѣлесную; но жаждетъ непреспа-
но

но яствѣ, плошь его убивающихъ. Восхищается Кадмѣ новымъ его жребіемъ, и во слѣпотѣ своей въ бездну развращовъ съ веселіемъ низвергается.

Вавилонъ уподоблялся привлекательному позорищу, гдѣ каждое лице въ ликовствующемъ и великолѣпномъ видѣ представлялось; но завѣсѣ опущенной, каждый къ его недоспа-шочеству, безпокойствамъ и сѣтованію возвращается. Упоенны непреспанными веселостями Вавилоняне пеклись токмо о ихъ забавахъ. Изящный вкусъ въ убранствахъ, умягченіе влосовъ, изобрѣтеніе одеждъ и спранныхъ украшеній цѣну достоинствъ у нихъ опредѣляли. — Обуреваемы непреспанными пиршествами, предали они забвенію попеченіе о чадѣхъ; домоводство, обязанности семейства, и священный долгъ родства претворили въ посмѣшище; старость престала быти уважаема, цѣломудріе признано лицемѣріемъ, благоразуміе обременительнымъ, благіе совѣты шягостію, и самое дружество, самая непорочная любовь пустымъ токмо мечтаніемъ людей слабыхъ и непросвѣщенныхъ нарицаемы были. Тогда правила нравственности учинились погранными, богобоязненность въ стыдѣ обращена, уваженіе ко священноначальству упрачено; наконецъ повиновеніе Царю и узаконеніямъ Вавилонскимъ вскорѣ исчезли. Никто не хотѣлъ внимать иному, кромѣ учреждаемыхъ во градѣ веселій; никто не мыслилъ о иномъ, кромѣ тщательности превзойти своего ближняго роскошами, велелѣпіемъ и буесловіемъ. Праздность, смѣхи и суешность
раз-

развлекли чувшва и помышленія градожителей. Малое шокмо воздержаніе онѣ наглыхъ и богопрошивныхъ пороковъ признавалось уже добродѣтелію; оскорбительныя общешію пресупленія единою слабоспїю, якобы всѣмъ челоѣкамъ сродною. Прежде Вавилоняне ушрапили спыдѣ, шворя неисповошпи и впадая во разврашты; нынѣ уже шщеславились своими безшудїями, и не краснѣя ими похвалялись; но всѣ сїи гнусношпи и безчинія прикрывала личина наружной ласковоспи, принужденной уклонношпи и пришворнаго благоповеденія. По внѣшношпи всѣ они нѣжными являлись друзьями, но сердца ихъ зависпїю и враждою другѣ ко другу разжигались. Лесно было взирашъ на лица Вавилонянѣ; они имѣли нѣкую приманчивошть, и при всемъ шомѣ сїи внѣшнія яркія краски, составляющія шоль привлекашельную карпшину, были подобны движущемуся блиспанію сѣвернаго сїянія, спужу или бурю обыкновенно предзнаменующему. Кто бы ни дерзнулъ порицашъ, или шокмо слабую преграду помыслилѣ спавипѣ Вавилонскимѣ увеселенїямѣ, громы бы возгремѣли и языки юношесшва изоспрились бы на оклевешаніе прошиву ихъ забавѣ восшающаго.

Вверженный въ сїю неизмѣримую сладосшрасшїи пучину, Кадмѣ не имѣлѣ уже пошеченія искашпи для себя шихаго и благонадежнаго приспанища; увлеченный неумолкнымѣ веселосшпей спремленїемѣ, сѣ жадношпїю поглощалѣ онѣ ядѣ, зашмѣвающій его разумѣ и разврацающій сердце.

Каза-

Казалось, заразился онъ нечеспивыми свойствами Маврипанскаго Царя Хадема, когда пребывалъ съ нимъ въ дружескомъ обращеніи; неблагонравіе сего злочеспиваго юноши прильпнуло ко чувствамъ Кадмовымъ: но Вавилонъ довершилъ его развращеніе. Плѣняется Кадмъ пріятствами забавъ Вавилонскихъ, радуется ихъ развратами, ослѣпляется блесками внѣшнихъ качествъ, разипельнымъ женъ остроуміемъ, рѣзкостью языка; самымъ суесловіемъ ихъ и безстыдствомъ Кадмъ плѣняется. Истребивъ ко божествамъ уваженіе, утѣшается вѣроломствомъ юношей Вавилонскихъ, кои верховнымъ божествомъ своимъ едины забавы спавили. Кадмъ прилагаетъ къ ихъ буйствамъ свои нелѣпыя издѣвки и богохуленія; вскорѣ злорѣчѣемъ своимъ самихъ Вавилонянъ превосходитъ: его острые замыслы, неисповые глаголы, гнусное всему тому, что есть почтенно, посмѣяніе, развращенному обществу нравились. Кадмъ разсѣваетъ свои плевелы и привлекаетъ къ себѣ отовсюду хвалы, вниманія, уваженіе: искусство неспрудное имѣющему душу ко щещамъ разположенну и суешными людьми неспрешанно окруженному; а паче Кадму, остроумну отъ природы суцу, и помышленія ко смѣхошворнымъ бесѣдамъ изоспрившему. Воспитанный въ домѣ любобильнаго Царя Агенора, опца его, спранспвующій по различнымъ царствамъ и народамъ, видящій образъ житія и ликованій многихъ областей, самъ царствуя, Кадмъ почерпнулъ безчисленныя свѣденія и пріобрѣлъ изящный вкусъ въ установленіи роскошныхъ пиршествъ, въ

учре-